

СОЦПРЕДПРИНИМАТЕЛЬ: ОТ ДОМА ПРЕСТАРЕЛЫХ НЕ ЗАСТРАХОВАН НИКТО

В РОССИИ НАСЧИТЫВАЕТСЯ ВСЕГО 1,5 ТЫС.

ГОСУДАРСТВЕННЫХ ДОМОВ ДЛЯ ПРЕСТАРЕЛЫХ, ВКЛЮЧАЯ ПСИХОНЕВРОЛОГИЧЕСКИЕ ИНТЕРНАТЫ. В НИХ ПРОЖИВАЮТ ПРИМЕРНО 250 ТЫС. ЧЕЛОВЕК. ЧАСТНЫХ ПАНСИОНАТОВ, ПО РАЗНЫМ ОЦЕНКАМ, МЕНЕЕ 100. ИХ СУЩЕСТВЕННЫМ ОТЛИЧИЕМ ЯВЛЯЕТСЯ АТМОСФЕРА, КОТОРАЯ МАКСИМАЛЬНО ПРИБЛИЖЕНА К ДОМАШНЕЙ. О ТОМ, КАК РАБОТАЕТ ТАКОЙ ДОМ В РОССИЙСКОЙ ГЛУБИНКЕ — СЕЛЕ ПОКЧА ЧЕРДЫНСКОГО РАЙОНА ПЕРМСКОГО КРАЯ, РАССКАЗАЛА СОЦИАЛЬНЫЙ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬ, РУКОВОДИТЕЛЬ ПАНСИОНАТА «БЛАГОЛЕТИЕ» НИНА МАРАТКАНОВА. СЕРГЕЙ ПОНОМАРЕВ

— **Нина Васильевна, расскажите о себе и о том, почему решили открыть пансионат для пожилых людей.**

— По образованию я математик, была пионервожатой, затем первым секретарем райкома комсомола, замглавы администрации района по социальным вопросам. На мне практически все сферы были: образование, культура, милиция, архив, ЗАГС, пенсии, соцзащита и медицина. Пришла молодая, 25 лет было, но втянулась, всему научилась. Потом в 2000 году пошла на повышение в краевую администрацию, ведущим специалистом в комитет по молодежной политике.

В 42 года родила четвертого ребенка. Вернулась обратно — в Чердынский район. В 45 лет ты уже никому не нужен, тем более в администрации, где молодых полно. Начала заниматься туризмом. Историю знаю, людей тоже. Четыре года проводила туры для «трудных» детей. С подростками тяжело, постоянно как по лезвию ножа ходишь. Дети сложные, воспитатели еще сложнее. Но мы дружим, ко мне до сих пор в гости приезжают уже со своими семьями. Многие говорят спасибо, что ушли с той дорожки. В 2013 году ко мне пришли люди и сказали, что в селе закрылся государственный дом престарелых, имущество растащили, персонал уволили, бабушек развезли по другим домам. Я пошла посмотреть, и мне стало так жаль это здание. Оно ведь красивое, столько лет уже стоит. Купцы раньше думали о людях. А почему мы нынче ни о чем не думаем? Его можно сломать, а кто ж новое будет строить? Мы за годы советской власти в районе практически ничего нового не создали, а разрушили многое.

Стала изучать вопрос, собирать по крохам опыт работы. Поехала к Надежде Кочуровой (на тот момент зампред правительства Пермского края по социальной политике). Она собрала министров, представила меня, я все рассказала. Убедила. Ведь беру здание, которое является памятником архитектуры, содержа его и профиль не меняю. Даю работу людям: 25 рабочих мест на село из 800 человек — это много! В-третьих, у нас 45 человек живущих, а не доживающих свой век. И наконец, мы не берем бюджетных средств, наоборот, оплачиваем налоги. Где тут минусы? В итоге получила это здание в бессрочную аренду.

— **Кто ваши подопечные? Почему люди попадают в такие дома?**

— Надо понимать, что от такого дома не застрахован никто. Всего у меня 45 человек. Самой пожилой — 101 год. Есть у нас простые бабушки из деревень и сел, был директор большого предприятия из Усоля — разные люди приходят. Где-то половина из нашего, Чердынского района и половина из Перми. Пермляки могут платить полную цену, без них я не смогла бы содержать часть наших, местных. Кто из деревни — пенсия маленькая, а доплачивать некому. Зато они знают столько частушек, историй, такие труженики!

Есть у нас уникальная женщина — Елизавета. Ее по краю многие знают, в Березниках. Дожила до 92 лет, и к ней едет столько бывших уче-

ников, столько людей! Судьба бывает разная, были дети у нее, потом умерли. Одна она жить не смогла и оказалась у нас. Она рукодельница, вяжет, очень любит командовать. Но главное, она учит тому, как можно работать, дает дельные советы.

Еще одной женщине 95 лет, работала на сплавных рейдах. Во время войны была вальщиком леса. Говорит, что работа была не такой сложной, труднее было бороться с голодом и холодом. До 92 лет содержала свой огород в образцовом порядке, а последние три года живет у нас. У нее один внук в Перми, больше никого нет. Внук подарил ей сапоги, и она в них теперь постоянно ходит. Не снимает, и нам приходится на это идти. Понимаем. А нынче в день рождения подходит с таким вопросом: «Ко мне уже, наверное, никто не приедет?» Говорю: «Почему? Придут люди». Пришли школьники. Мы испекли большой рыбный пирог, который она очень любит. Зажгли свечи, потом школьники пели, дарили ей цветы, танцевали, она сама танцевала. Я нашему молодому Диме говорю: «Иди пригласи бабушку». И ведь он станцевал с ней! А потом она поделилась со мной: «Я и не думала, что когда-то снова буду танцевать...» Вот ради таких моментов и стоит жить.

У всех свои истории. Другая бабушка проводила пятерых сыновей на фронт, и никто не вернулся. На 9 Мая мы делали большую постановку и рассказывали о тех, кто трудился в годы войны. Про нее наши школьники рассказывали. Делали бумажные кораблики с именами погибших и пускали по реке. В конце, когда шел последний вальс, наша молодежь встала и пригласила всех пожилых, кто мог двигаться. Это был непередаваемый момент доброты — от сердца! А потом салют у нас был из воздушных шариков...

Из 45 человек у нас всего 15 мужчин. В среднем от 50 до 75 лет, самому старшему было 92 года. Кто-то после инсульта оказался, кто-то чуть ноги не обморозил, кто-то пил сильно. Но здесь они все бросают пить и курить. Это мой закон. В местных магазинах им никто не продаст водку или сигареты. Все знают, что это «мараткановские». И в этих условиях они начинают развиваться: рисуют, лепят, творчеством занимаются, танцуют. Просто так не сидят.

Есть у нас тут ряд пенсионеров с титано-магниевого завода. Заводчане не забывают своих, помогают чем могут. Если бы каждое предприятие думало о своих пенсионерах, жизнь была бы другой.

— **А власти помогают?**

— Если человеку 70 лет исполнилось, то памперсы надо выделять практически всем. Мы заработали эти памперсы. У нас 20 человек инвалидов, но саму инвалидность имеют очень мало. В Москве после комиссии человеку сразу же выделяется кровать, противопролежневый матрас, прикроватный столик, коляски, пеленки, ходунки. У нас даже памперсы выбить нельзя, и приходится их покупать за собственные деньги, которые остаются. Если пенсия пусть получается 14 тыс., памперсы нужны на 2,5 тыс., плюс 1,5 тыс. вычитают за уход, так что там остается?

В России действует не более 100 частных пансионатов для престарелых

А еще нужно покупать медикаменты. В других домах медикаменты полностью покупают за деньги родственников. Я прошу покупать только дорогие медикаменты, остальные покупаем сами. Не могу сказать человеку: «Мы не будем тебя лечить, потому что дорого». У нас регулярно проходит диспансеризация, мы все прикреплены к больнице, поэтому приезжают узкие специалисты и смотрят бабушек и дедушек. Скоро будем получать свою лицензию, сделаем врачебный и процедурный кабинеты, будут свои психиатр и терапевт.

— **Но вы ведь все равно в «плюсе»?**

— Пока да. Хотя случается, что себе на зарплату уже ничего не остается. Когда я общивалась, получалось, что минимальный старт начинался с 15 человек по 15 тыс. руб. в месяц, но при этом совсем не остается денег на развитие. Не развернешься. Плюс мало рабочих мест. Сейчас у меня проживание стоит 18 тыс. руб. в месяц, но я все никак не могу решиться поднять до 20 тыс. 25 человек персонала работает, а по краю постановление вышло, что им надо делать минимальную зарплату 11 тыс. руб. Я ее не вытягиваю. Надо поднимать цену, а это сделать могу только у тех, за кого доплачивают родственники. А они и так платят много. Держусь за счет бесплатной аренды здания. Мы всю прибыль направляем на развитие. База копится: есть противопролежневые матрасы, медицинские кровати, ходунки, тренажеры, много игр, мозаика и много чего. Да, тут у нас не хоромы, не евроремонт, но все чисто, аккуратно, по-домашнему.

Это все непросто дается, особенно когда с нуля начинаешь. Не всегда на первых порах таким организациям, как мы, надо платить налоги. Я согласна с пенсионными отчислениями, но с УСН не согласна. Почему? Без развития собственной материальной базы мы не сможем платить налоги. Социальным предпринимате-

лям льготы по налогам давать надо, мы не тот бизнес, с которого можно много налогов брать.

— **Сколько человек у вас в штате? Чем они занимаются?**

— У нас 12 сиделок, две технички, которые убирают, стирают и гладят, моют в бане. Две медсестры, надо еще две где-то набрать. У меня нет кадров на селе. Обучение происходит в Березниках, и там выпускают по 50 медсестер — это совсем ничего для края. Обучить медсестру, и чтобы потом она приехала работать к нам в село, практически нереально. Я не могу ей дать социальных гарантий и зарплату достойную. Район не только дотационный, но и бесперспективный, идет сужение всей бюджетной сетки.

Затем у нас четыре кочегара, они и летом работают. Потому что мужчина обязательно должен быть. В ночь остаются три сиделки и обязательно один мужчина, так как может случиться всякое. Где-то нужно перевернуть или поднять бабушку и т.д. Еще у нас два аниматора, два повара и помощник руководителя. Это основные работники. Есть еще бухгалтер и завхоз. Плюс помогают пять волонтеров: два мальчика и три девочки из школы приходят. От них очень весомый вклад. Они красили, белили, плитку помогали класть. Если это все деньгами оплачивать, я бы не потянула.

— **Как вы развлекаете своих подопечных?**

— Мы ставим свои спектакли, разыгрываем водевили, устраиваем чаепития, капустники. Сегодня у них лепка из пластилина — для моторики важно. Вечером будут шишки катать: набрали шишек и трав разных, будут вспоминать, как какая называется, для тренировки памяти. Песни, стихи разучиваем. На большие районные мероприятия стараюсь брать всех, даже неходячих. Зову таксистов, многие бесплатно довозят. Ходили в наш музей, выставочный зал. Трогали утварь, котелки, вещи, которыми куп-